

Комсомольская правда, Москва
1958, 15 мая

О ПРЕКРАСНОМ, НЕ ЗНАЮЩЕМ СЕБЕ ЦЕНЫ...

МЫ ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛИ зарубежной киноинсценировки романа «Идиот» с великолепным Филиппом Жерамом в роли князя Мышкина, но на экраны наших театров уже вышли и задвигались, заговорили перед зрителями герои этого глубокого и мучительного произведения Достоевского. Они оживлены вдумчивым искусством И. Пырьева, автора и постановщика мосфильмовской инсценировки «Идиота», и мастерством советских актеров, среди которых в первую очередь должны быть названы имена молодого Ю. Яковлева и, кажется, еще более молодой Ю. Борисовой.

Достоевский не считал «Идиота» полной удачей, но трогательно любил это свое детище.

«Все говорившие мне о нем, как о лучшем моем произведении, имеют нечто особое в складе своего ума, очень меня всегда поражавшее и мне нравившееся» — так высказывался он об

Герои Достоевского — на экране

быть смешон, трогателен и благороден, как смешон, трогателен, благороден был Дон-Кихот.

Но испанский Дон-Кихот жил на исходе рыцарского века, а русский Дон-Кихот по воле Достоевского брошен был в жизнь шестидесятых годов прошлого столетия, когда не оставалось уже места для рыцарских фантазий. Это были бурные годы развития капитализма в России: во всех концах страны строились железные дороги, чуть ли не каждую неделю возникали новые акционерные компании и банки, жажда наживы охватила самых различных людей, начиная от какого-нибудь ничтожнейшего чиновника и кончая членами «царствующей фамилии».

Деньги, деньги, деньги! — вот что главенствовало тогда в жизни. И с властью денег, в полном соответствии с романом, прежде всего сталкивает прекрасного князя Мышкина сценарист и постановщик «Идиота» И. Пырьев. Уже в сцене в поезде, открывающей фильм, властитель новейшего времени предстает перед Мышкиным (а также и перед зрителем) в грубоватом облике Рогожина. Как выразительно заюлил и завертелся случайный спутник Мышкина и Рогожина — забулдыжный чиновничек Лебедев, когда узнал, что рядом с ним в простонародном тулупе восседает богатейший наследник.

«Миллиончик с лишком разом получить... о, господи!» — самозабвенно восклицает он.

И когда Рогожин отмахивается от него, говоря, что ни копейки не даст, хотя бы чиновник перед ним вверх ногами ходил, тот самозабвенно взвизгивает:

«И буду, и буду ходить... Жену, детей, малышей брошу, а пред тобой буду плясать...».

Восторг Лебедева истеричен, но в сущности невинен: Лебедев не столько перед Рогожиным преклоняется, сколько перед «чистой» идеей денег. Это, так сказать, принципиальное преклонение.

Совсем иное видит Мышкин в роскошном доме генерала Епанчина. Очаровательно улыбаются и мило пикируются с маменькой престелные дочери генерала, но в то время, как в уютной гостиной радуется глаз живописная казовая сторона картины, в кабинете главы семейства идет гнуснейшая купля-продажа. Продается Настасья Филипповна. От нее нужно освободить Тоцкого, потому что этого «джентльмена» и дельца хочет женить на одной из своих дочерей делец-генерал. Цена Настасьи Филипповны — семьдесят пять тысяч. За эту цену должен жениться на ней секретарь генерала Ганя Иволгин, молодой человек с бородкой в стиле Наполеона III.

Бородка не зря навешена Гане. Наполеоновская тема, тема завоевательства и своеволия, занимала в творчестве Достоевского одно из важнейших мест. Особенно полно разработана она в романе «Преступление и наказание». Раскольников с его безудержной философией своеволия еще мог выдерживать сравнение со своевольнейшим Наполеоном I. Но Ганя Иволгин сопоставляется с измельчавшим Наполеоном III, которого Гюго успел на весь мир осмеять под именем Наполеона Маленького. У Раскольникова была хоть и большая, но большая идея. У Иволгина — только идеяка. «Нажив деньги, знайте, я буду человек в высшей степени оригинальный! — признается он Мышкину. — Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают...»

Ради этой куцей идеяки Ганя готов на все — даже на бесчестие. Настасья Филипповна оскорбляет его мать, Рогожин в присутствии всей Ганиной семьи торгует Настасью Филипповну — Ганя не отказывается от женитьбы на ней и мечтает только о том, чтобы поскорее настал вечер, когда «все решится».

И вот настает вечер, и в доме Настасьи Филипповны все решается. Одним ударом Настасья Филипповна разрывает лишнюю паутину, сплетенную вокруг нее Тоцким и Епанчиным. Она знает, что удар грозит ей гибелью, но не останавливается перед этим, потому что не может после встречи с чистейшим Мышкиным мириться с ложью, которой с соблюдением всяческих приличий и с произнесением высокопарных и якобы благородных фраз стараются опутать ее Епанчин и Тоцкий.

Сцена в доме Настасьи Филипповны — лучшая в фильме. До этого Настасья Филипповна появляется в сцене, происходящей в квартире Иволгиных. Но там Настасья Филипповна не было, была только актриса, играющая роль. Трудно сказать, кто в этом повинен — исполнительница или постановщик. Кажется, они покорно следовали за Достоевским: у него Настасья Филипповна тоже ведь «нагличает» у Иволгиных, стараясь унижить Ганю. Но у Достоевского она не прибегает к дешевым приемам, она «нагличает» не так. Чуть-чуть

не так. И через это «чуть-чуть», имеющее решающее значение в искусстве, Ю. Борисова сумела перешагнуть в финальной сцене.

Настасья Филипповна — новичок на советском экране. Но на подмостки русского театра она вышла давно. Ее роль играли Ермолова и Савина. Хочется верить, что Ю. Борисова не уронила высокой традиции исполнения этой трудной и сложной роли.

Не менее сложна и трудна роль Мышкина. Образ «князя-идиота» при всей известной его фантастичности остается у Достоевского в пределах реализма. Стало быть, Мышкина надо играть так, чтобы непременно была доказана реалистическая достоверность странного и необычного в жизни персонажа. Зритель непременно должен поверить, что Мышкин и в самом деле столь кристально чист и столь по-детски простодушен, что способен даже у самых заскорузлых людей вызвать хотя бы мгновенный душевный отклик. От исполнителя этой роли требуется, чтобы он очаровывал и покорял с первого же взгляда. Ю. Яковлев очаровывает и покоряет. Он — подлинный Мышкин.

Решающее значение для утверждения мягкой и в то же время неотразимой силы «прекрасного, не знающего себе цены» имеет уже первая сцена фильма. Рогожин грубо и нагло смеется над озябшим вагонным спутником и над его не греющим плащом. Всякий другой человек, будь он на месте Мышкина, непременно бы обиделся. Но «поврежденный князь» не способен обижаться: он сразу же и от души присоединяется к мрачному веселью Рогожина. И неподдельно добрым смехом и милым, добрым сиянием своих доверчивых, незлобных глаз Ю. Яковлев уже в этот момент покоряет зрителя.

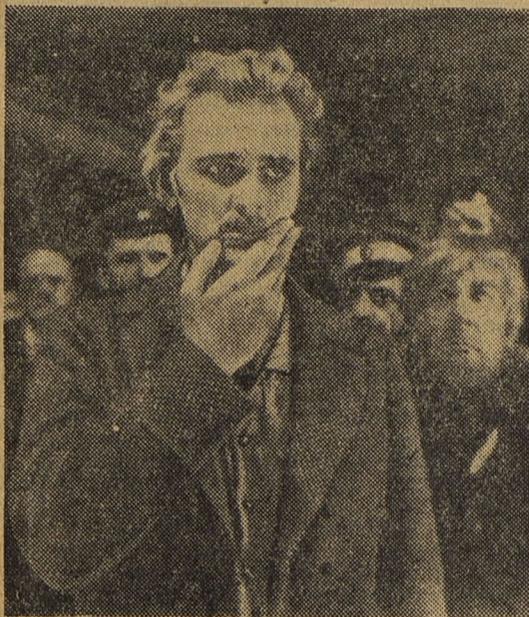
Тут должно было совершиться и покорение Рогожина. Оно как будто и совершается — Рогожин, выходя из вагона, признается, что он полюбил князя. Но у Л. Пархоменко, исполняющего роль Рогожина, эта фраза звучит мертво и проскарльзывает как-то мимо. Произошло это потому, что в фильме Рогожин истолковывается не по Достоевскому, а по Островскому. Пархоменко выявляет только наглую разухабистость разгулявшегося купца, забывая о том «страстном до страдания», что так облагораживало у Достоевского грубое и временами даже наглое лицо Рогожина.

Досадное впечатление производит и Дарья Алексеевна. Вернее, не она сама, а неудачная затея постановщика — открыть вечер Настасьи Филипповны каскадной песенкой Дарьи Алексеевны. В доме Настасьи Филипповны соблюдался строгий порядок — ни каскадных песенок, ни канкана туда не допускали.

История Настасьи Филипповны не полностью рассказана в фильме — инсценирована лишь первая часть романа, кончающаяся тем, что героиня, порвав с Тоцким, Иволгиным и Епанчиным, покидает свой дом Правильнее было бы сказать, что она не только покидает дом но и кидается в омут. Мышкин, стремившийся спасти поруганную красоту Настасьи Филипповны, только ускоряет неизбежную ее гибель. Сам он тоже погибнет — фильм Пырьева в этом смысле не оставляет места для сомнения даже у зрителя, не знающего романа. Гибель Настасьи Филипповны и князя Мышкина неизбежны потому, что общество, в котором они жили, покупалась и продавалась красота и растаптывалось любящее сердце. Эту мысль, опираясь на Достоевского, хотя не всегда соглашаясь с ним подчеркивает и доказательно проясняет постановщик в своей инсценировке «Идиота».

Инсценировка произведения Достоевского требовала не только труда, но и сильной борьбы с автором. В этой борьбе Пырьев не терпит поражения. Стало быть, инсценировку его можно считать победой.

Мих. НИКИТИН.

Кадр из фильма.

«Идиоте», и в высказывании этом, конечно же, проглядывает авторское приращение. Достоевский любил в романе «Идиот» художнический свой замысел — изобразить вполне прекрасного человека, изобразить прекрасное, не знающее себе цены.

Прекрасное, не знающее себе цены, воплощено в Мышкине. Еще современники высоко оценивали этот образ. Л. Толстой считал Мышкина настоящим «бриллиантом». Салтыков-Щедрин говорил, что тут сделана была «попытка изобразить тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия». Следует добавить, что попытка оказалась не вполне состоятельной: Достоевский во всяком случае должен был думать именно так.

Дело ведь в том, что в князе Мышкине он хотел дать тип русского Дон-Кихота. Всю значительность такого замысла можно оценить только тогда, когда мы вспомним, чем для Достоевского был Дон-Кихот. Он прямо преклонялся перед Дон-Кихотом, считая его самым прекрасным из всех «прекрасных лиц литературы христианской». Герой «Идиота» по замыслу автора должен был